
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 2 (71). С. 100–108.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2021; 2 (71): 100–108.

Научная статья
УДК 821.161.1-31.09«18»
DOI 10.37724/RSU.2021.71.2.011

Символика самоцветов в романах Ф. М. Достоевского

Ирина Владимировна Грачёва

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Рязань, Россия
i.gracheva@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Произведения Ф. М. Достоевского сложны для понимания не только в силу своего разнопланового философского «многоголосия», но и потому, что их идейнообразующее начало нередко возникает на уровне поэтики. Важную роль в этом играет выразительная деталь. Актуальность данного исследования определяется возрастающим вниманием к особенностям поэтики писателя, к взаимодействию текста и подтекста. Целью статьи является изучение роли художественной детали, связанной с упоминанием о самоцветных камнях в его романах. Предметом исследования стала символика самоцветов, издавна известная в мировой художественной культуре и получившая особенное распространение в России в XVIII–XIX столетиях. Анализ романов Ф. М. Достоевского позволяет сделать вывод, что в художественном мире писателя случайные, казалось бы, упоминания о самоцветах несут большую смысловую нагрузку, открывая читателю глубины подтекста. Результаты исследования могут быть использованы в школьном и вузовском преподавании литературы.

Ключевые слова: особенности поэтики Ф. М. Достоевского, роль художественной детали, романы Ф. М. Достоевского, символика самоцветов, текст и подтекст.

Для цитирования: Грачева И. В. Символика самоцветов в романах Ф. М. Достоевского // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 2 (71). С. 100–108. DOI: [10.37724/RSU.2021.71.2.011](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.71.2.011)

Original article

Gemstone Symbolism in F. M. Dostoyevsky's Novels

Irina V. Gracheva

Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia
i.gracheva@365.rsu.edu.ru

Abstract. F. M. Dostoyevsky's works are difficult to understand not only because of their polyphonous and multilayered philosophy, but also because their poetics is associated with idea capturing and idea shaping. Artistic details play a great role in Dostoyevsky's works. The relevance of the research is accounted for by the ever-growing attention to the writer's poetics, to the interconnection between the text and implications. The aim of the article is to investigate the role of gemstones in Dostoyevsky's novels. The object of the research is gemstone symbolism which gained popularity in Russian literature in the 18th–19th centuries. The analysis of F. M. Dostoyevsky's novels enables the author of the article to conclude that even seemingly random references to gemstones have great symbolic significance and help uncover numerous implications. The results of the research can be used at literature lessons in secondary and tertiary educational institutions.

Keywords: F. M. Dostoyevsky's poetics, the role of artistic detail, F. M. Dostoyevsky's novels, gemstone symbolism, text and implications.

Введение

В русском литературном процессе второй половины XIX века подтекст в художественном произведении приобретает все большее значение. Одним из способов создания подтекста становится выразительная деталь, нередко переходящая с бытового уровня на уровень символических переосмыслений. С этим связана возрастающая актуальность наблюдений над тем, как в поэтике русских писателей использовались детали пейзажей, интерьеров, портретов героев, символика имен, колористика и т. д.

Основная часть

В романах Ф. М. Достоевского одним из характерных признаков принадлежности героя к состоятельному кругу становятся драгоценные вещи. Причем чем богаче герой, чем увереннее он ощущает себя в мире «хозяев жизни», тем более сдержанны его вкусы, и наоборот, те, кто только начинает завоевывать положение в обществе, спешат самоутвердиться с помощью нарочито выставленных напоказ драгоценностей. Так, в романе «Преступление и наказание» добротную одежду Свидригайлова дополняют «красивая трость» и «огромный перстень с дорогим камнем» [Достоевский, 1957, с. 253]. Зато у доктора Зосимова, успешно начинающего врачебную практику, — «большой золотой перстень на припухлом от жиру пальце» [Там же, с. 138] и «огромнейшие выпуклые глухие золотые часы» с «массивной» [Там же, с. 150] цепью, которые он достает при каждом удобном случае. По поводу его костюма и манер писатель замечает: «...претензия, впрочем усиленно скрываемая, проглядывала поминутно» [Там же, с. 138]. А письмоводитель Заметов, «одетый по моде и фатом», даже на службу в полицейскую контору является «со множеством перстней и колец на белых, очищенных щетками пальцах и золотыми цепями на жилете» [Там же, с. 101]. В художественном мире Ф. М. Достоевского драгоценности (особенно перстни и кольца) чаще становятся атрибутом мужских образов. И если даже вскользь упоминается о самоцветах, это является значимой деталью, несущей глубокую смысловую нагрузку.

Герой «Преступления и наказания» Раскольников отправился в Петербург, увозя с собой «маленькое золотое колечко с тремя какими-то красными камешками», подаренное сестрой [Достоевский, 1957, с. 69]. В момент острой нужды это колечко он отнес процентщице Алене Ивановне, будущей жертве роковой «идеи», завладевшей сознанием Раскольникова. «Малозаметные, но очень важные детали, — замечает С. В. Белов, — приобретают у Достоевского особый смысл. Не случайно камешки красные. Их цвет — предвестие неизбежного пролития крови» [Белов, 1985, с. 98]. Но, возможно, в данном случае значение имел не только цвет. Мистическая символика драгоценных камней, известная на Руси со времен средневековья, в XIX веке пользовалась большой популярностью. А. Е. Ферсман в «Рассказах о самоцветах» писал, что в старину разные камни красных оттенков, особенно рубины, именовали «червлёным» или «червчатым» яхонтом. В русских средневековых лечебниках утверждалось, что тот, кто их имеет, «снов страшных и лихих не увидит», а также «скрепит сердце своё и в людях честен будет» [Ферсман, 1974, с. 63–64]. Вероятно, Дунечка дала брату заветное колечко не просто как знак памяти, а как некий оберег. Как только Раскольников расстался с ним, он уже не мог «скрепить сердце», ожесточенное окружающей социальной несправедливостью. Его начали одолевать и «лихие» мысли, и страшные сны. А вот что говорил о рубине Иван Грозный, большой знаток символик самоцветов, английскому послу Д. Горсею: «Этот наиболее пригоден для сердца, мозга, силы и памяти человека, очищает сгущенную и испорченную кровь...» [Цит. по: Горсей, 1990, с. 86]. Настасья, по поводу одного из кошмаров, пригрезившихся Раскольникову, замечает: «А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выходу нет и уж печёнками запекаться начнёт, тут и начинает мерещиться...» [Достоевский, 1957, с. 123]. Лишившись охранительного талисмана, Раскольников оказался во власти не только духовного, но и физического недуга. Недаром во всем, что с ним происходило, он «наклонен был видеть некоторую как бы отстранённость, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений» [Там же, с. 69].

Лужин, раздосадованный отказом Дунечки, размышляет, что допустил оплошность, не успев купить привязанность своей невесты дорогими вещами: «Нет, если б выдал им за все это время, например, тысячи полторы на приданое да на подарки, на коробочки там разные, несессеры,

сердолики, материи и на всю эту дрянь, от Кнопа да из английского магазина, так было бы дело почище и... покрепче!» [Достоевский, 1957, с. 375]. Сердолик здесь упомянут не случайно. Верили, что он делает владельца привлекательным в глазах окружающих, при дарении вызывает симпатии к тому, кто его подарил, предотвращает ссоры. В. А. Мезенцев отмечает, что сердолик красноватых оттенков «всегда считался любовным талисманом». На Востоке сердолик был неременным атрибутом убранства невесты. В нем видели покровителя супружеского счастья [Мезенцев, 1986, с. 172]. Поэтому Лужин и досадует, что пренебрег магической силой сердолика.

В романе «Идиот» одна из сцен строится на скрытых аналогиях с «Русалкой» А. С. Пушкина. У А. С. Пушкина князь перед свадьбой, прощаясь с соблазненной им дочерью мельника, дарит ей жемчужное ожерелье, а от отца откупается деньгами. Символика жемчуга неоднозначна, но А. С. Пушкин использует его распространенное значение как предвестника слез и бед. Героине, теряющей рассудок, представляется, будто жемчужная нить, надетая на нее князем-изменником, превращается в змею — олицетворение коварства. В «Идиоте» Тоцкий, совративший Настасью Филипповну, намерен расстаться с ней и жениться на одной из дочерей генерала Епанчина. Тоцкий предлагает крупную сумму Гавриле Иволгину, чтобы тот посватался к Настасье Филипповне. На вечер, когда должна решиться судьба героини, приезжает Епанчин, прежде пославший ей роскошное жемчужное ожерелье. Он сам не прочь занять место Тоцкого, надеясь, что его секретарь Иволгин покорно смирится с ролью ширмы, прикрывающей непозволительную связь патрона. Настасья Филипповна подарок Епанчина сулит новые унижения и страдания, и она с негодованием отвергает его. Эта сцена перекликается с эпизодом из «Преступления и наказания», когда Свидригайлов своей шестнадцатилетней невесте преподносит два драгоценных убора — бриллиантовый и жемчужный. Бриллианты — не только свидетельство богатства жениха, на что польстились родители девочки, но и символ чистоты и невинности. А жемчуг становится предвестием возможной будущей драмы. Мадам Ресслих, сосватавшая невесту Свидригайлову, уверена, что тот, удовлетворив свое сладострастие, быстро бросит юную супругу на произвол судьбы. И тогда опытная сводница пустит ее по рукам с большой для себя выгодой. И хотя девочка не догадывается, какая участь ей уготована, подарок жениха вызывает у нее невольные слезы. Самоубийство Свидригайлова вряд ли спасет ее от печального конца. Ее семейство живет в крайней, безысходной нужде. И горькой иронией по поводу того, как жизнь, поманившая радужными надеждами, может обернуться трагедией, становится песня, некстати вспомнившаяся умирающей в нищете Катерине Ивановне:

У тебя алмазы и жемчуг,
У тебя прекраснейшие очи,
Девушка, чего же тебе ещё? [Достоевский, 1957, с. 453].

В романе «Идиот» Келлер приходит к князю Мышкину просить денег и с возмущением рассказывает, как отказал ему ростовщик, требовавший в залог золото или бриллианты: «А под изумруды, говорю, дадите? — И под изумруды, говорит, дам». Князь простодушно спрашивает: «А у вас разве были изумруды?» Келлер невольно усмехается: «О, князь, как вы ещё светло и невинно, даже, можно сказать, пастушески смотрите на жизнь!» [Достоевский, 1973, с. 257]. Упоминание об изумрудах в этой сцене тоже, видимо, не случайно. Этот камень издавна связывался с представлениями о нравственной чистоте. Иван Грозный, рассказывая Д. Горсею об изумруде, отмечал: «Он враг нечистоты» [Цит. по: Горсей, 1990, с. 86]. И в вопросе Мышкина, есть ли у Келлера изумруды, проявилась не только житейская наивность князя, но и искренняя готовность верить, что в глубине души каждого человека можно обнаружить добрые, светлые начала. Несмотря на то что Келлер, написавший на Мышкина лживый пасквиль, сам признается, что «потерял всякий признак нравственности» [Достоевский, 1973, с. 256], князь и в нем способен видеть «какую-то детскую доверчивость и необычайную правдивость». После его ухода Мышкин размышляет: «Нельзя ли что-нибудь сделать из этого человека чьим-нибудь хорошим влиянием?» [Там же, с. 257].

Лейтмотивом романа «Идиот» стал образ бриллианта как одного из неизменных атрибутов характеристики богатого петербургского круга. Вот портрет Тоцкого: «Одевался широко и изящно и носил удивительное бельё. На его пухлые белые руки хотелось заглядеться. На указательном пальце правой руки был дорогой бриллиантовый перстень» [Достоевский, 1973, с. 127]. Таким он предстает на вечере у Настасьи Филипповны, к которой неожиданно является Рогожин, намереваясь купить любовь своенравной красавицы за сто тысяч. У Рогожина — безвкусный яркий шарф «с огромною бриллиантовой булавкой, изображавшею жука», и «массивный бриллиантовый перстень на грязном

пальце правой руки» [Там же, с. 135]. Получив большое наследство, он спешит похвастаться своим богатством. И в то же время сопоставление в этой сцене холеных, белых рук Тоцкого и грязных рук Рогожина с одинаково надетыми бриллиантами становится символичным. Утонченный аристократ и грубый, необразованный купец уравниваются в своем отношении к Настасье Филипповне. Для них она — красивая вещь, которой можно похвастаться, как и дорогим перстнем. Оба не намерены на ней жениться. Лишь князь Мышкин, удивив всех, предлагает ей замужество. Но, не желая погубить его репутацию, Настасья Филипповна в этот вечер добровольно перейдет из рук Тоцкого в руки Рогожина. Тоцкий, изумленный этой выходкой, называет ее «нешлифованным алмазом» [Там же, с. 149]. Таким образом сама героиня представляется редкой драгоценностью, попавшей в грязные руки. И Тоцкий не осознает, что в этом отношении его руки несколько не чище рогожинских.

Образ Настасьи Филипповны постоянно связывается в романе с образом бриллианта. Впервые об этой женщине Мышкин узнает из рассказа Рогожина о том, как тот, восхищенный ее красотой, преподнес ей бриллиантовые подвески, вызвал этим неистовый гнев отца и чуть не поплатился жизнью. Узнав об этом, Настасья Филипповна заявила: «Они мне теперь в десять раз дороже ценой, коли из-под такой грозы их Парфен добывал» [Достоевский, 1973, с. 13]. Так с помощью драгоценных камней завязался драматический узел взаимоотношений Настасьи Филипповны и Рогожина. И в то же время этот рассказ служит началом сближения с Рогожиным князя Мышкина, который признается: «...Я вам скажу откровенно, вы мне сами очень понравились и особенно когда про подвески бриллиантовые рассказывали» [Там же]. И в дальнейшем, как бы ни складывались их отношения, Мышкин продолжал верить, что в глубине мрачной рогожинской души кроются и хорошие свойства. Ранее в Швейцарии Мышкин, сам неимущий, не задумываясь продал свою единственную ценность — булавку с маленьким бриллиантом, чтобы помочь всеми отвергнутой и погибающей в нищете Мари. Не случайно Мышкина и Рогожина с первой встречи влечет друг к другу: оба способны, пусть в различной степени, ставить выше материальных благ иные ценности.

Настасья Филипповна, неизменно появляющаяся на публике «в кружевах и бриллиантах» [Достоевский, 1973, с. 380], тоже мало значения придает этой роскоши, но знает, какое поистине магическое воздействие она производит на других. Поэтому, одеваясь к венцу и намереваясь покорить толпу, собравшуюся у дома, чтобы помешать ее браку с князем, она особенно старательно выбирает, «что именно надеть из бриллиантов и как надеть?» [Там же, с. 491]. И действительно, толпа встречает ее криками восторга. Лебедев, чтобы расстроить эту «позорную» свадьбу, предлагал крайнее средство — обратиться к врачу и объявить князя невменяемым. Однако доктор, вникнув в дело, заявил, что решение князя, наоборот, «свидетельствует о хитрости тонкого светского ума и расчета», так как невеста, кроме красоты, «обладает и капиталами от Тоцкого и от Рогожина, жемчугами и бриллиантами» [Там же, с. 488]. Тогда Лебедев взглянул на дело иначе и принялся помогать Мышкину. На самом же деле князя подвигла сделать предложение Настасье Филипповне пронзившая его сердце жалость, когда при первой встрече он понял всю глубину ее страданий и особенно — когда на ее щеках «засверкали две крупные слезы» [Там же, с. 144]. Если другим Настасья Филипповна видится в «бриллиантовом» ореоле, то в снах Мышкина она предстает со слезами на глазах. Когда князь встречает ее в ночном парке, «точно так же, как и давеча в его сне, слезы блистали теперь на ее длинных ресницах» [Там же, с. 382]. Для Мышкина подлинные, бесценные бриллианты — «блистающие», «сверкающие» слезы страдающей женщины, в которой добро борется со злом, жажда мщения — с готовностью к самопожертвованию. Взаимное замещение художественных образов «слезы» — «бриллианты» — распространенный прием, характерный не только для литературы, но и для поэтики фольклора. Фольклорист и этнограф XIX века А. Н. Афанасьев отмечал: «Народные сказки часто говорят о несказанной красавице... в поэтически верном изображении они замечают о ней: когда красная девица улыбается — то сыплются розы, а когда плачет — то падают бриллианты и жемчуг» [Афанасьев, 1995, с. 307]. В конце романа, когда Рогожин вводит Мышкина в спальню, где лежит убитая Настасья Филипповна, акцентируется деталь: «На маленьком столике, у изголовья, блистали снятые и разбросанные бриллианты» [Достоевский, 1973, с. 503]. Они словно напоминают о нецененных миром слезах, о мучениях и исканиях не понятой окружающими и одиноко погибшей души.

Сюжетный треугольник Рогожин — Настасья Филипповна — Мышкин близок к фольклорным ситуациям, когда герой, ставший воплощением темных сил, похищает красавицу и держит ее в темнице, пока ее не разыщет избавитель. Возникает здесь и сказочный мотив троичности: трижды увозил Настасью Филипповну Рогожин, добываясь ее взаимности. Исчезновение невесты — тоже фольклорный мотив, обыгранный, например, в «Руслане и

Людмиле» А. С. Пушкина. Дом Рогожина с мрачными интерьерами и запутанными лабиринтами комнат отдаленно напоминает те сказочные замки и подземелья, где суждено томиться героине. Недаром Рогожин вспоминает, как Настасья Филипповна, обещая стать его женой, посетила свое будущее жилище: «...Такая стала сумрачная; весь этот дом ходила осматривала и точно пугалась чего» [Достоевский, 1973, с. 178]. Может, этот дом, открывший Настасье Филипповне ее будущность, и стал причиной ее бегства от Рогожина. Мышкину здесь тоже «было очень тяжело и хотелось поскорее из этого дома» [Там же, с. 181]. Но если в сказках главный герой спасает героиню и женится на ней, то жизнь, изображенная Ф. М. Достоевским, не дает возможности для счастливой развязки.

Образ бриллианта в романе многозначен. В свое время Иван Грозный так говорил Д. Горсею о свойствах этого драгоценного камня: «Я никогда не пленялся им, он укрощает гнев и сластолюбие и сохраняет воздержание и целомудрие» [Цит. по: Горсей, 1990, с. 86]. Поэтому бриллианты в уборе Настасьи Филипповны в подтексте свидетельствуют о ее нравственной чистоте. Никому из ее поклонников не удавалось добиться ее благосклонности, и даже Тоцкого она держала на расстоянии. Недаром Мышкин говорит: «Вы страдали и из такого ада чистая вышли, а это много» [Достоевский, 1973, с. 138]. Вопреки представлениям о том, будто бриллианты укрощают гнев и сластолюбие, в жестоком мире извращенных нравов и понятий их умиротворяющая магия оказывается бессильной. Они не могут удержать ни порочных наклонностей Тоцкого, ни мстительных порывов Настасьи Филипповны, ни кипения темных страстей в душе Рогожина. Выразительной деталью становится булавка с бриллиантовым жуком, которую носит Рогожин. По народным поверьям, пауки, жуки, мыши и т. д. — существа «нечистые», связанные с миром дьявольщины (вспомним мышью, сновашую вокруг Свидригайлова в ночь перед его самоубийством в романе «Преступление и наказание»). Рогожинский бриллиант, вместо того чтобы нести светлую символику, превращается в знак бесовства. И любовь к Настасье Филипповне Рогожин воспринимает как дьявольское искушение. Поэтому его любовь не становится возвышенным, облагораживающим душу человека чувством, а наоборот рождает тяжелую озлобленность и ненависть, толкающие его на преступления. Настасья Филипповна для него — не достойная сострадания, «чистая» женщина, какой ее видит Мышкин, а дьяволица, безжалостно мучающая людей. Так думают все, даже утонченный, корректно-сдержанный Радомский высказывает Мышкину общее мнение: «...вы околдованы её красотой, фантастическою, демоническою красотой... <...> ...Но разве все ее приключения могут оправдать такую невыносимую, бесовскую гордость её...» [Там же, с. 482]. Точно так же, как окружающие не способны оценить то лучшее, что скрыто в душе Настасьи Филипповны, они не могут понять и духовной глубины князя Мышкина, видя в нем лишь простодушного дурачка, «идиота». Недаром Лебедев убежденно доказывает, что Антихрист уже явился в мир и властвует над людьми. Поэтому и Мышкина можно сравнить с бриллиантом, затоптанным в грязь.

О том, что в поэтике Ф. М. Достоевского этот камень ассоциировался с лучшими качествами человеческого сердца, свидетельствует отрывок из черновых вариантов романа «Братья Карамазовы». Груша, по характеру и судьбе напоминающая Настасью Филипповну, решив расстаться с Дмитрием Карамазовым, говорила: «Прощай, Митя, не поминай лихом, не сердись, любила я тебя несколько, да не тебе, знать, бриллиант сохраняла» [Достоевский, 1976, т. 15, с. 257]. Из окончательной редакции автор эту фразу убрал, так как в устах мещаночки из провинциального захолустья она выглядела бы нелепо. Зато подобное сравнение использует черт, явившийся в галлюцинациях Ивану Карамазову и откровенно признавшийся, как важна для него победа над душой Ивана: «потому что бриллиант-то уж очень драгоценен» [Там же, с. 80].

Интересно, что сам Ф. М. Достоевский, намереваясь сделать А. Г. Сниткиной предложение о браке, начал иносказательно, поведав, будто ему приснилось, что в его шкатулку попал бриллиант, «очень яркий и сверкающий» [Достоевская, 1987, с. 93]. Когда же его осторожное любовное признание было принято благосклонно, он вновь напомнил о бриллианте: «Я наконец нашел его и намерен сохранить на всю жизнь» [Там же, с. 98]. Впоследствии, выбирая подарки для супруги, Фёдор Михайлович советовался с одним из своих знакомых П. Ф. Пантелеевым, большим знатоком драгоценных камней [Там же, с. 325].

В романе «Братья Карамазовы» о молодом следователе Николае Парфёновиче рассказывается: «На тоненьких и бледненьких пальчиках его всегда сверкали несколько чрезвычайно крупных перстней» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 408]. Когда Дмитрия Карамазова арестовали в Мокром по подозрению в убийстве отца и Николай Парфёнович вел допрос, Дмитрию совсем некстати «ужасно любопытны стали его большие перстни, один аметистовый, а другой

какой-то ярко-жёлтый, прозрачный и такого прекрасного блеска. И долго ещё он с удивлением вспоминал, что эти перстни привлекали его внимание неотразимо даже во время этих страшных часов допроса, так он почему-то всё не мог от них оторваться» [Там же, с. 412]. Даже после унижительного обыска Дмитрий, измученный тяжким обвинением и стыдом, не может отвести зачарованного взгляда от незнакомого ему желтого камня и наконец спрашивает: «Это из чего у вас перстень?» — «Это дымчатый топаз», — снисходительно удовлетворяет его любопытство следователь. Выбор самоцветов был явно обдуманым и диктовался не столько щегольством Николая Парфёновича, сколько его профессиональными интересами. Считалось, что желтый топаз помогает владельцу подчинять себе других людей, разоблачать их тайны, поэтому он являлся излюбленным камнем гипнотизеров и криминалистов. Лужин из романа «Преступление и наказание», занимавшийся судебными тяжбами и мечтавший открыть адвокатскую контору, тоже носил «большой, массивный, чрезвычайно красивый перстень с жёлтым камнем» [Достоевский, 1957, с. 388]. Топазам также приписывали способность защищать от злых сил, укрощать буйство, возвращать благоразумие и т. д. Как пишет Р. Уолтерс, «топаз считался лекарством от безумия... гнева, горя, страха, меланхолии...» [Уолтерс, с. 36]. И недаром Дмитрий Кармазов не отрывает от него глаз. В неожиданном известии о смерти отца, в изнуряющем ночном допросе «мерещилось ему что-то кошмарное и нелепое, казалось ему, что он не в своём уме» [Достоевский, 1976, т. 14, с. 437]. И раньше не отличавшийся уравновешенностью, он едва справляется с бурными эмоциями и порывами, овладевшими им, и словно инстинктивно ищет поддержки у камня, помогающего сохранять самообладание.

А об аметисте, украшавшем другой палец следователя, в старинных лечебниках говорилось: «Сила того камня — пьянство отгоняет, мысли лихие отдаляет, добрый разум делает и во всяких делах помощь даёт. <...> ...Воинских людей от недругов оберегает и ко одолению их приводит, и к ловлению зверей диких и птиц добре помогает» [Домострой, 1957, с. 246]. Николай Парфёнович предполагал, что отправляется ловить опасного преступника, к тому же находящегося в сильном опьянении. И аметисту предстояло стать оберегом, охраняющим своего владельца и содействующим благополучному захвату подозреваемого. Но в то же время и Дмитрий в ходе допроса, стараясь протрезветь и овладеть своим рассудком и эмоциями, бессознательно ловит глазами этот аметист. В. А. Мезенцев ссылается на народные поверья, будто «аметист способен навевать сон и вызывать видения» [Мезенцев, 1986, с. 184]. Дмитрий, пока составляли протокол, вдруг неожиданно заснул, прикорнув на сундуке, и ему привиделся необычный яркий сон, открывающий перед ним глубинную суть его сословной вины перед всеми обездоленными, за которую рано или поздно придется нести расплату. Впоследствии он скажет Алёше: «Это пророчество мне было в ту минуту!» [Достоевский, 1976, т. 15, с. 31].

Зато у черта, который является в галлюцинациях Ивану Кармазову, «на среднем пальце правой руки красовался массивный золотой перстень с недорогим опалом» [Достоевский, 1976, т. 15, с. 71]. По народным поверьям, опал был недобрый камень. У Е. И. Парнова читаем: «Это камень обманчивых надежд... <...> С древних времён считалось, что он влечёт сердца к чёрной магии, а то и прямо в дьявольские сети. <...> Он рождает мрачные подозрения, сеет раздоры, омрачает разум» [Парнов, 1985, с. 133]. Иван, как только его начал посещать непрощенный гость с опаловым перстнем, с неприязнью стал относиться даже к Алёше, которого прежде любил. Опал может подтолкнуть человека к самоубийству, чего, видимо, и добивался черт. Недаром он, словно невзначай, рассказывает, как застрелился человек, которого он опекал «неотлучно до последнего момента» [Достоевский, 1976, т. 15, с. 81]. Лишь люди с чистым, благородным сердцем могут противостоять коварному воздействию опала. И хотя болезненное состояние Ивана заканчивается беснованием в зале суда, Алёша и Дмитрий убеждены, что он «выздоровеет», имея в виду прежде всего его духовное возрождение.

Заключение

Знание магических свойств драгоценных камней было составной частью русской культуры XIX века. И Достоевский имел все основания рассчитывать на то, что намеки, введенные им в свои романы с помощью этих деталей, будут поняты и оценены его читателями.

Упоминания о драгоценных камнях в произведениях писателя вносят дополнительные акценты в их идейно-художественный контекст, служат характеристикой героев и культурных традиций определенного социального круга, раскрывают глубинную суть изображенных ситуаций и т. д. При этом писатель использует наиболее распространенные, общепринятые значения самоцветов и свойств, которые им приписывали.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. — Т. 1. — М. : Совр. писатель, 1995. — 824 с.
2. Белов С. В. Комментарий // Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» : кн. для учителя. — 2-е изд. — М. : Просвещение, 1985. — 240 с.
3. Горсей Д. Записки о России XVI — начала XVII веков / пер. А. А. Севастьяновой. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — 287 с.
4. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова. — М. : Сов. Россия, 1990. — 304 с.
5. Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Тунимова. — М. : Правда, 1987. — 544 с.
6. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание : роман // Собр. соч. : в 10 т. — Т. 5. — М. : ГИХЛ, 1957. — 597 с.
7. Достоевский Ф. М. Идиот : Полн. собр. соч. : в 30 т. — Т. 8. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. — 510 с.
8. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман : кн. 1–10 // Полн. собр. соч. : в 30 т. — Т. 14. — М. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. — 511 с.
9. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман : кн. 11–12 // Полн. собр. соч. : в 30 т. — М. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. — 624 с.
10. Мезенцев В. А. Каменная сказка. — М. : Молодая гвардия, 1986. — 203 с.
11. Парнов Е. И. Трон Люцифера. — М. : Политиздат, 1985. — 303 с.
12. Уолтерс Р. Всё о драгоценных камнях / пер. с англ. О. Когтевой. — М. : БММ АО, 2000. — 159 с.
13. Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах. — 2-е изд. — М. : Наука, 1974. — 254 с.

References

1. Afanas'ev A. N. *Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu : v 3 tomah* [The Slavs' Poetic Conception of Nature: in 3 vols.]. Moscow, Modern Writer Publ., 1995, vol. 1, 824 p. (In Russian).
2. Belov S. V. Commentary. *Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie"* [F. M. Dostoyevsky's "Crime and Punishment"]. Moscow, Enlightenment Publ., 1985, 240 p. (In Russian).
3. Gorsej D. *Zapiski o Rossii XVI — nachala XVII vekov* [Notes about Russia of the 16th — Early 17th Centuries]. Moscow, Moscow State University Publ., 1990, 287 p. (In Russian)
4. Kolesov V. V. (comp.). *Domostroj* [Household Book]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1990, 304 p. (In Russian).
5. Dostoevskaja A. G. *Vospominanija* [Memoirs]. Moscow, Truth Publ., 1987, 544 p. (In Russian).
6. Dostoevskij F. M. Crime and Punishment. *Sobranije sochinenij: v 10 tomah* [Collected Works: in 10 vols.]. Moscow, State Publishing House of Belles-Lettres Publ., 1957, vol. 5, 597 p. (In Russian).
7. Dostoevskij F. M. Idiot. *Sobranije sochinenij: v 30 tomah* [Collected Works: in 30 volumes]. Leningrad, Science Publ., 1973, 510 p. (In Russian).
8. Dostoevskij F. M. The Brothers Karamazov. *Sobranije sochinenij: v 30 tomah* [Collected Works: in 30 vols.]. Moscow, Science Publ., 1976, vol. 14, books 1–10, 511 p. (In Russian).
9. Dostoevskij F. M. The Brothers Karamazov. *Sobranije sochinenij: v 30 tomah* [Collected Works: in 30 vols.]. Moscow, Science Publ., 1976, books 11–12, 624 p. (In Russian).
10. Mezencev V. A. *Kamennaja skazka* [Jem Tale]. Moscow, Young Guards Publ., 1986, 203 p. (In Russian).
11. Parnov E. I. *Tron Ljucifera* [The Throne of Lucifer]. Moscow, Politizdat Publ., 1985, 303 p. (In Russian).
12. Walters R. *Vsjo o dragocennyh kamnjah* [The Book of Precious Stones]. Moscow, BMM Publ., 2000, 159 p. (In Russian).
13. Fersman A. E. *Rasskazy o samocvetah* [Stories about Gemstones]. Moscow, Science Publ., 1974, 254 p. (In Russian).

Информация об авторе

Грачёва Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: русская литература XIX века, история русской культуры.

Information about the author

Gracheva Irina Vladimirovna — Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Literature at Ryazan State University named for S. Yesenin.

Research interests: Russian literature of the 19th century, history of the Russian culture.

Статья поступила в редакцию 23.01.2021; одобрена после рецензирования 11.12.2021; принята к публикации 15.01.2021.

The article was submitted 23.01.2021; approved after reviewing 11.12.2021; accepted for publication 15.01.2021.